

3 Карательные операции в деревнях Каменка и Бервы

3.1 Установление точной даты проведения карательной операции в д. Бервы Глусского района

Наше внимание привлекла информация в «Электронной базе о сожжении белорусских деревень» [10] о дате проведения карательной в д. Бервы Глусского района (сегодня это д. Бервы Козловичского сельсовета Глусского района). По рассказам старожилов, раньше деревня называлась Бервье, а затем Бервые — странное для белорусской лексики название произошло от фамилии француза, который якобы жил здесь несколько столетий назад.

В электронной базе указывается дата сожжения деревни Бервые (Бервы) октябрь 1942 г. Причем и текстовые документы, и свидетельские показания в базе отсутствуют. (Приложение А) Нам удалось разыскать свидетелей этой трагедии, которые указывают, что карательная операция произошла в октябре 1943 г.

Деревня Бервы находится на границе Глусского и Бобруйского районов. Недалеко от нее, в 3-х километрах, расположена д. Каменка Бобруйского района.

По данным электронной базы и записям из дневника 1-й Бобруйской партизанской бригады Могилевской области, стр. 109. (Приложение Б) партизанская бригада вступила в бой с немцами около д. Каменка 04.10.1943г. Подобные события мы прослеживаем и в воспоминаниях жителей д. Каменка.

По воспоминаниям Хаританович (Шостак) Нины Константиновны, жительницы г.п. Глуск, уроженки д. Каменка Бобруйского района. (Приложение В)

Моя мама, Шостак Ольга Степановна, и жители деревни рассказывали, что трагедия произошла в начале октября 1943 г. В один из вечеров в деревню прибыл отряд партизан. Партизаны пробыли в деревне всю ночь, а наутро на дороге из поселка Глуша по направлению к шоссе

Глуск—Бобруйск, которая проходила совсем рядом с деревней, показалась военизированная колонна немцев. Завязалась перестрелка. (Эта информация совпадает с данными электронной базы и подтверждается записями из дневника 1-й Бобруйской партизанской бригады Могилевской области, стр 109. (Приложение Б) По данным записей партизанская бригада вступила в бой с немцами около д. Каменка 04.10.1943 г.) После партизаны отступили, а немцы, отстреливаясь, продолжили движение в заданном направлении. Однако в тот же день, через несколько часов, немцы вернулись в деревню уже с карательным отрядом. За содействие партизанам все постройки в деревне были сожжены, скот угнан, несколько человек было убито, остальные люди спаслись бегством в болото.

По свидетельствам Сахар Федоры Сергеевны (в девичестве Каблаш), жительницы г. Кировска Могилевской области, уроженки д. Бервы Глусского района(Приложение В) и участницы трагических событий, сожжение д. Бервы произошло примерно через неделю после карательной операции в д. Каменка, которая находилась в 3-х километрах от д. Бервы. Было это в октябре 1943 г. За день до праздника Покров Пресвятой Богородицы в деревню прибыли немцы. Объявив д. Бервы партизанской зоной, за то, что жители деревни помогали партизанам с продовольствием, они угнали весь скот и сожгли все дома, постройки и припасы людей на зиму. Несколько человек было застрелено при попытке бегства из деревни.

Из этих свидетельств следует, что д. Бервы Глусского района была подвергнута карательной операции не в 1942, а в 1943 г., можно установить и точную дату трагедии (так как все происходило накануне праздника Покров Пресвятой Богородицы) — это 13 октября 1943 г.

Однако мало знать даты и количество домов и людей, исчезнувших в огнях белорусских деревень. Для того, чтобы понимать, что происходило на оккупированных территориях в годы войны и как вели себя фашисты, нужны свидетельские показания очевидцев.

3.2 « Я з вогненнайвескі» (из воспоминаний очевидца)

Воспоминания очевидца трагедий, произошедших сразу в двух белорусских деревнях Могилевской области — д. Каменке и д. Бервы — **Хаританович(в девичестве Шостак) Нины Константиновны**

Шостак Нина Константиновна родилась в 1938 г. в д. Каменка Бобруйского района, которая находится на границе Глусского и Бобруйского районов. Там она проживала и во время Великой Отечественной войны.

д. Каменка (Приложение В)

«Мне было 3 года, когда началась война. Семья была у нас небольшая: отец, мать, бабушка и я. Отец ушел на фронт. Мама в начале 1942 г родила брата Михаила.

Трагедия в наших деревнях произошла осенью 1943 г (мне тогда было почти пять лет). Помню, как утром одного из октябрьских дней за деревней слышалась стрельба. Говорили, что партизаны обстреляли фашистов. Потом, через несколько часов, в деревню прибыли немцы. Вместе с полицией они стали обыскивать все дома: искали партизан. Никого не найдя (в деревне находились только дети, женщины и старики), начали выгонять из дворов скот и приказали жителям собраться в начало деревни, где стоял крест, грозили всех расстрелять. Старые женщины вынесли иконы — молили о пощаде. Многие, в страхе быть сожженными, бросились бежать. Были слышны крики, выстрелы, деревню застилал дым: немцы начали поджигать дома.

Наша мама на скорую руку связала вязанку с необходимыми вещами, закинула ее за плечи, взяла брата на руки, меня за руку — и мы побежали в лес. Бабушка же была немощная, идти с нами не смогла и осталась в доме. Из деревни бежали и другие женщины с детьми. По нам стреляли, некоторых ранили. Когда мы вбежали в лес, там был человек с лошастью в упряжке. Всех маленьких детей посадили на воз и повезли.

Приехали мы к болоту. Была сплошная вода, глубоко, взрослым по пояс. Начали перебираться через болото. Было очень страшно. Нас, малышей, через болото тащили на себе старшие соседские дети. Они не всегда могли нас удержать, мы выскользывали и падали в холодную мутную воду, нас вытягивали и снова тащили. Мы плакали: боялись утонуть.

Из болота выбрались на остров. Разожгли костер. Нас подсушили, обогрели и дали по маленькому кусочку хлеба. На острове мы пробыли несколько дней. И так нас и кормили — один маленький кусочек хлеба, а взрослые вообще ничего не ели.

Когда на остров пришли партизаны и сообщили, что немцы покинули деревню, мы вернулись домой.

Но домов не было, было одно пепелище. Стояли только русские печки среди обгоревших бревен. А в нашей печке, это мне очень запомнилось, за заслонкой — чугунок с выгоревшим обедом.

Моя бабушка была застрелена. Ее обгоревшее тело лежало во дворе. Прямо в голову был застрелен и сосед, который с семьей спрятался от немцев в яме на огороде. Тяжело ранили в ноги и его дочь, но она выжила.

В деревне, на счастье, осталось два небольших домика, пожар их не достал, они стояли далеко от основных построек. Все люди с детьми разместились в них жить, была страшная теснота. Некоторые начали строить землянки.

Все, что было запасено на зиму, сгорело. К счастью, осталась одна корова, которая в день пожара паслась в поле, и немцы ее не заметили. Хозяйка всем детям деревни давала от этой коровы по стакану молока в день.

д. Бервы (Приложение В)

После похорон бабушки мама решила нас с братом отвести в соседнюю деревню Бервы Глусского района, которая находилась в трех

километрах от Каменки. Там жил ее брат Сергей (Каблаш Сергей Степанович) с семьей.

Через несколько дней после нашего появления в Бервях, все взрослые поехали на поле докапывать картошку. Нас оставили с двоюродной сестрой Феней (Федора Сергеевна Каблаш), ей тогда было около 11 лет.

Ближе к полудню в деревню приехали немцы, объявили, что д. Бервы отнесена к партизанской зоне и начали поджигать дома. Слышались крики, выстрелы, запахло дымом. Сестра сказала, что нужно вынести из дома кое-что из вещей, а то и у них не останется ничего, так же как и у нас. И мы с ней начали носить и прятать далеко в огороде подушки, тулупы, одеяла.

Потом она взяла моего брата Мишу на руки, сказала мне держаться с ней рядом — и мы побежали в лес. Лес был далеко. Между деревней и лесом было поле, за полем редкая молодая посадка сосняка, слева болото. Этот путь должны были преодолеть мы для своего спасения. Но нас заметили немцы и полицаи и открыли огонь из автоматов.

Помню, как вокруг свистели пули и светились огоньки, вода поднималась на 3-4 метра высотой от падающих в болото, как мне потом объяснили, разрывных пуль, со всех сторон от сосенок отскакивали ветки. Феня приказала мне бежать перед ней и «вкривульки», т.е. зигзами, чтобы не могли взять прицел. Одна пуля все-таки задела моего маленького брата, который находился у Фени на руках, и сестра, на бегу, сорвав с моей головы платок, зажала им рану мальчика. Рядом с нами бежал мужчина, помню, как пуля оторвала ему палец.

В шквале огня мы бежали к спасительному лесному массиву. В лесу нас встретили односельчане, которые уже успели скрыться от немцев. Они взяли нас с собой и провели к партизанам. В партизанском отряде перевязали рану брата, к счастью, она оказалась неопасной.

Мама рассказывала потом, что она, несмотря ни на что, бросилась в деревню нас искать. Деревня уже полыхала в огне. Она начала спрашивать полицаев о детях, и они сказали, что видели, как мы бежали в лес, но по нам так «секли» из автоматов, что выжить мы не могли. Полицаи схватили маму, всю обыскали, надеялись найти в одежде спрятанные ценные вещи, золото, но ничего не обнаружив, приказали ей пойти в еще не загоревшийся дом брата и принести им сало и масло. Мама, притворившись, что безропотно выполнит приказание, пошла к дому, затем воспользовавшись дымовой завесой, вся деревня была в дыму, сбежала в заросли за огородом, а оттуда ползком в лес. Когда же немцы ушли, она стала искать нас в поле, в лесу, в болоте. И только через неделю, добравшись до партизан, нашла своих детей и племянницу живых и почти невредимых.

Привели нас в Бервы, как и в Каменку — на пепелище. Но здесь повезло нам больше. У дяди далеко от дома стояла «стопочка» (маленький сарайчик для хранения овощей) — вот она и уцелела. Да еще в ней была насыпана картошка, хоть и мало на всю деревню, да хоть какая-то еда. Не сгорело еще в деревне у кого-то из жителей гумно. Вот эти две постройки и стали пристанищем на зиму для всех погорельцев.

В нашей «стопочке» жила семья дяди из шести человек, нас трое и еще соседи, сколько всего — уже не помню.

Сделали из досок большую кровать, настелили соломы — и так все в ряд спали. Сделали печку для приготовления пищи, и стали зимовать — полуголодные, голые, босые (не было ни запасов, ни обуви, ни одежды).

Весной в поле собирали мерзлую картошку, сушили ее, пекли блины, варили клецки, собирали щавель, крапиву, ели все — только бы не умереть с голоду. Многие односельчане заболели тифом, туберкулезом, умерли от холода и голода. Жена дяди во время всей этой трагедии была беременна. Вскоре она родила мальчика, но через несколько месяцев его не стало. Это

тоже жертва той страшной трагедии — разве мог выжить младенец в таких условиях.

Нам с братом повезло: мы выжили. А в начале лета, когда потеплело, и мы босиком смогли пройти через лес, ведь обуви не было, мама вернула нас в родную Каменку. Уже с весны она начала строить какое-никакое жильё. Знакомые из соседней деревни Круглониво отдали нам старый сарай, из него построили маленький домик. В нем мы встретили Победу, окончили школу, из него я ушла во взрослую, самостоятельную жизнь.

Война забрала у нас и отца. Поэтому и послевоенная жизнь семьи была далеко не радужная: было и голодно, и холодно, и горько... Так прошло наше детство и школьные годы.

Сгоревшие деревни, и Каменку, и Бервы, люди восстановили, но остались тяжелые воспоминания, которые нельзя выбросить из сердца. Мне до сих пор часто снится, как я бегу по тому полю, как сверкают кругом красные огоньки, как свистят пули — и, кажется, что этот мой бег и этот мой страх никогда не закончатся...»